

Глеб Шульпяков

НИКОЛАЙ ГНЕДИЧ

Из книги «Батюшков не болен»

Ближайший друг и confident Батюшкова, адресат большинства его писем. Дружбе с ним Константин Николаевич придавал какое-то почти сакральное значение (сам Гнедич в дружбе оставался прагматиком). Наверное, в нелегкой судьбе товарища Батюшков слышал рифму своим собственным невгодам, хотя Гнедич «удары судьбы» не романтизировал, а, наоборот, скрывал и только упрямее шел к цели. При склонном к унынию и самоедству Батюшкове он был как Штольц при Обломове и часто брал с поэтом снисходительный, даже грубоватый тон («турецкого табаку пришло такого, что до блевоты закуришься»).

Судьба Гнедича была действительно невеселой. Его детство прошло в полумужицкой среде небогатой малороссийской усадьбы. Он рано потерял родителей, «старосветских помещиков» из Полтавской губернии. Девяти лет от роду его поместили в Полтавскую духовную семинарию (откуда он вынес брутальный бурсацкий юмор и чтение стихов нараспев). В раннем детстве он переболел «воспой». Его лицо было обезображено, а правый глаз вообще утрачен. На портретах его изображали, как одноглазого Кутузова, с одного бока. На единственной картине, где он справа, он в специальных очках, в которых синяя шторка прикрывает вытекший глаз.

Внешнее уродство Гнедич компенсировал модными нарядами. Он носил невероятных расцветок шейные платки, запонки и пряжки, кружева и пестрые жилеты, и забубенные шляпы. Первые годы в Петербурге он нищенствовал, снимал угол и жил на гонорары. Но когда получил должность помощника библиотекаря Публичной библиотеки — уже мог себе позволить щегольски одеваться. Он следил за модным рынком и, когда в Москве появился дешевый батист, просил Батюшкова купить выслать ему на «полдюжины платков». И должность, и неплохое жалованье он получил благодаря Оленину,

«продвигавшему» Гнедича как талантливому переводчику. Он же выхлопотал Гнедичу пенсию от «Аполлонши», как называл Гнедич великую княгиню Екатерину Павловну (грант на переводы из Гомера).

В общей сложности Гнедич получал около восьми тысяч в год — для сравнения доходы Батюшкова с имений были почти вдвое меньше. К тому же Гнедич жил холостяком на казенной квартире и не платил за аренду и «коммуналку». Эту квартиру он изысканно обставил дорогой мебелью и утварью и устраивал чтения. Читал он нараспев высоким завывающим голосом (как читают ектенью) — так, что собака его Мальвина пряталась под диван и подвывала оттуда за хозяином. Этажом ниже Гнедича квартировал Иван Крылов, которому Оленин тоже покровительствовал. Они с Гнедичем по-соседски дружили и, когда выходили вместе, представляли довольно дикую пару: тучный высоченный Крылов, одышливый человек-гора, — и раздетый, как павлин, одноглазый рябой. Вспоминали, что даже цвет фрака Гнедич принаровлял ко времени дня, в которое выходил из дому.

Для Гнедича, считавшего себя проповедником античной культуры и современного развития России, Батюшков оставался милым вологодским помещиком и баловнем, которому можно и нужно покровительствовать. «Грудьонка твоя треснула бы, — писал Гнедич, — если б ты был в моих объятиях». Как истинный Штольц, он трудился сам и подталкивал к работе товарищей. Крылова он убедил сесть за перевод «Одиссеи», и только природная лень не позволила Ивану Андреевичу пойти дальше нескольких строк. Он мечтал увидеть на русском поэмы Торквато Тассо, а Батюшков, прекрасно читавший на итальянском, постоянно откладывал работу. Гнедич был стихотворец и переводчик, но не поэт, и не мог взять в толк, что настоящему поэту перевод нужен для «разгона» собственной поэтической мысли. Он злился и ругал Батюшкова, когда тот забросил переводы.

В свое время Оленин представил Гнедича ко двору, и, как всякий неродовитый провинциал, Гнедич чрезвычайно кичился связями в высшем свете. Молодой Гоголь надписал ему «Вечера на хуторе...» фразой «Знаменитому земляку от Сочинителя», и этот «земляк» сильно раздосадовал Гнедича. Он желал бы поскорее забыть свое невеселое прошлое. Гнедич не мог и подумать, что своих «Ивана Ивановича — Ивана Никифоровича» Гоголь спишет с него и Крылова.

Поглощенный работой над Гомером, Гнедич стал гнушаться литературных партий и собраний, особенно «патриотических». В од-

ном из писем к Батюшкову он в довольно резких выражениях описывает подобные литературные сборища (*сохранена орфография оригинала*): «Я давно уже отказался, — пишет Гнедич в декабре 1809 года, — не вмешиваться ни в какие разговоры, ибо их, сколь я заметил, ведут или дураки или о дурачестве. Не думай, чтобы это заставляло говорить оскорбленное мое от них самолюбие. Нет, именно их вонючие курения, другому бы вскружившие уже голову, раздирает мою душу. Два бывшие со мною приключения пусть послужат тебе доказательством, как самая наружность нынешних людей оподлена: у Шишк<ова> я одному из членов славенофилизма приказывал подать мне стакан воды, почитая его лакеем; в доме Держ<авина> у одного из его юных поклонников спросил: куда у них на двор ходят? почитая его тоже лакеем. Из таких фигур, из таких тварей я вижу общества, советы и суды о произведениях ума и вкуса».

Гнедич, хоть и был искренне привязан к Батюшкову, в делах с ним вел себя далеко не по-дружески. На издании «Опытов в стихах и прозе», первой (и последней) книги Батюшкова, он как следует «нагрел» товарища. Он обязал Батюшкова взять на себя все финансовые риски, а когда книга «пошла», выплатил товарищу всего две тысячи, забрав себе остальные пятнадцать. Через несколько лет тот же трюк он проделал с «Русланом и Людмилой» Пушкина и его же «Кавказским пленником»: полторы тысячи автору, себе в карман втрое больше. Пушкин подозревал об аферах старшего товарища и много лет спустя даже написал эпиграмму: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера, / Боком одним с образцом схож и его перевод». Правда, в рукописи эта эпиграмма была тщательно зачеркнута. Станный пиетет перед одноглазым рябым античником не позволял литераторам в открытую с ним ссориться.

